

ГНОЗИС

Года три назад Марчевский ездил к отцу с матерью на сороковую годовщину свадьбы.

Едва он приехал, отец позвал его к телефону.

— Здравствуйте, Эдуард Венедиктович, — сказал голос, обладатель которого явно испытывал удовольствие от того, что его не узнают.

— Здравствуйте, — сказал Марчевский, воспроизводя его интонацию.

— Не узнаете?

— Откуда вы узнали, что я здесь? — изумился Марчевский, будто сообразив, с кем говорит.

— Разведка донесла. Вы что, в самом деле меня узнали?

— Среди моих учеников был только один начальник разведки, — насмешливо сказал Марчевский, довольный тем, что прием сработал.

— Ух ты! — тоже изумился голос. — А ведь сколько лет прошло. Как насчет встречи с нашей классной компанией?

— На счет встречи? — переспросил Марчевский, машинально раскладывая слово на два. — Готов перечислить на него пару бутылок.

— Хорошее вино компании не помеха. Завтра в семь — устроит? Терешковой, двенадцать, третий этаж, квартира шестьдесят девять. Запомнили?

— Один, два, три, шесть, девять... почти ряд Фибоначчи, — ответил Марчевский.

— Ну, вы в своем стиле, господин учитель, — сказал Фридман и попрощался.

Вечером, когда гости разошлись, и Марчевский, проводив давнюю приятельницу, приходившую поздравить его родителей, вернулся, мать спала, а отец на кухне пил чай.

— Все гуляешь? — с укоризной спросил он, когда сын появился в дверях.

— С чего ты взял? — поинтересовался Марчевский.

— Чувствую.

— Что ты хочешь мне сказать?

— Что ты слишком много себе позволяешь.

— Если бы у меня была жена, как мама, может, и не позволял бы.

— Я тебе говорил: выбирай жену по матери.

— Я и выбрал, только по ее матери, — сказал сын.

Класс, где учился Фридман, был последним выпуском Марчевского,

из которого он мало кого встречал с тех пор. Лица в его памяти изрядно ступшевались, и восстановить их поначалу не удавалось. Однако чем ближе подходило назначенное время, тем отчетливее проступали изображения: запущенный в себя взгляд воздействовал на память, как проявитель на фотобумагу.

Назавтра бывший учитель с двумя бутылками "Хванчкары" подмышками позвонил в бронированную дверь квартиры на третьем этаже. Ему открыл молодой мужчина, в котором он не без труда узнал мальчика, когда-то проучившегося у него пять лет. Одной рукой Фридман держал сотовый телефон, а другой выражал радушие. Улыбка его, как и раньше, показывала, что он о вас знает больше, чем вам бы хотелось.

— Ну, ты и заматерел... — сказал Марчевский, обмениваясь с ним рукопожатием и проходя в гостиную, где уже расположились четверо тех, кого хозяин квартиры назвал "классной компанией", повзрослевшие на десяток с лишним лет, но быстро совместившиеся со своими прежними изображениями, вызванными из его памяти.

Когда неловкость первого разглядывания прошла, завязался бесформенный разговор, в котором каждый старался как бы невзначай упомянуть о том, чего ему удалось добиться. Меньше других старался Фридман, за которого говорила обстановка его квартиры. Мешков, всегда любивший поразбираться в душе товарища, стал профессиональным психологом и вел частную практику. Конев занялся политическими исследованиями и консультировал местных политиков. Ельникова, успев защититься по биологии, вышла замуж и теперь растила трех детей. Алексеев, судя по его не очень внятным репликам, переменял несколько профессий и теперь раздумывал, не перейти ли на новую стезю.

— Так вы после нас учительствовать бросили? — спросил Алексеев, когда выставка достижений личного хозяйства завершилась, и все уселись за стол. — Уж не мы ли стали последней каплей?

— "После" не значит "вследствие"...

— А вы, Эдиктыч, все так же уклончивы. Почему бы это? — спросил Мешков, привычно сокращая его имя и отчество.

— В силу причин, мой друг... — отвечал Марчевский любимой отговоркой.

— И все-таки?

— А ты не знаешь? На Руси язык доводил до Киева, в СССР — до Магадана...

— А сейчас?

- До парламента, но мне туда не надо.
- Серьезно — почему вы ушли?
- Сам бы не ушел — ушли бы меня, да еще с волчьим билетом. Директор сказал, что от меня одного стало больше вреда, чем от них всех пользы...
- Это вы сами сочинили! Боров бы в жизни такого не придумал!
- Он был не такой тупой, каким казался. Неплохой был мужик, особенно в подпитии.
- Скучаете по школе? — спросил Конев.
- Бывает. Иногда под утро снится, что на урок опаздываю. Понимаю, что вернулся в те годы, рвусь оттуда и просыпаюсь в поту...
- Ой, а я вас как-то во сне видела! — воскликнула Ельникова. — Будто вам орден вручают в актовом зале. И уж как им не хочется! Наконец, Боров с постной рожей склоняется к вам и цепляет планку. А вы его двумя пальцами за нос — рраз!
- А помните, Эвээм, как мы с вами познакомились? — спросил Фридман.
- "Мы" — это ты?
- Не понял. А, ну да — со мной.
- Извини, запомятовал.
- Ну как же! Вы меня за какую-то провинность подняли с места и спрашиваете: "Ты комсомолец?". Я отвечаю: "Ну...", а сам думаю — простите, Эдиктыч: — "Ну и козел пришел!". А вы говорите: "Так поди постой в комсомольском уголке!".
- А как мы вас после уроков выносили, тоже забыли? — спросил Алексеев.
- Как это — "выносили"? Не помню, чтобы я пил на работе.
- Может, потому и не помните? — подбросил реплику Мешков.
- А тебя, Коляша, тогда в нашем садике еще не было, — сказал Алексеев. Вы, Эвээм, с нами поспорили, что в классе есть двое, которые родились в один день. Если нет, обещали весь класс мороженым кормить, пока не обледеем. А если да, мы вас должны были на руках вынести из школы. Мы сдуру и поспорили. Неужели забыли?
- Задачу знаю, — сказал Марчевский. — При тридцати с лишним человеках в классе у вас почти не было шансов. Но прочее — убей меня бог... Как про другого слушаю.
- Значит, вытеснили, — сказал Мешков со значением.
- Зачем мне было вытеснять? Просто забыл.
- "Просто" не бывает.

— Бывает. Если память переполняется, необновляемые файлы автоматически сбрасываются в архив.

— Так то в компьютере...

— А я кто?

Компания грохнула от хохота.

— И куда же я сказал меня нести?

— Да никуда. По Воеводского.

Марчевский смутился. В коттедже на улице Воеводского, выйдя замуж за сына академика, жила его студенческая любовь.

— Что я говорил? — спросил Мешков, следивший за его лицом.

— Один-ноль в твою пользу. Хотел кое-кому показать, что меня девочки на руках носят.

— Кстати о девочках, Эвээм. Машка-то Годунова замуж вышла и за бугор уехала, — сказал Фридман. — Слышали?

— Нет. А что?

— Не жалко? — спросил Фридман со своей знающей улыбкой.

— Что такое?

— Макс, перестань! — сказал Конев.

— Уже, — сказал Фридман, сделав гримасу.

— Что "перестань"? — жестко спросил Марчевский.

— Да ничего...

— Неправда. Что ты хотел сказать?

— Эдиктыч, извините.

— Не извиню, пока не скажешь.

Фридман покраснел, но продолжал молчать.

— Слушайте, десятый "Б"! — Марчевский завелся всерьез. — Или вы признаетесь, что скрываете, или...

Компания затихла. В напряженном молчании прошла минута, и учитель стал подниматься.

— Эдуард Венедиктович, пожалуйста, не надо, — сказала наконец Ельникова, не глядя на него. — Зачем вы требуете, чтобы мы вам пересказали, что у вас с ней было?

— А что у меня с ней было?! — рывкнул Марчевский.

— Ну Эдиктыч... — сказал Конев. — Мы же все знали. Чего уж теперь...

— Да вы с ума сошли! У меня! С Машкой! Да вы что?!

Компания молча смотрела на него.

— Неплохо вы меня кинули. Три-ноль в вашу пользу, — сказал учитель, пытаясь остыть, и по отсутствию реакции понял, что его и не думали разыгрывать.

— Галя, — сказал он, помолчав, — ты помнишь, что я сказал, когда вы в девятом классе решили испытать на мне свои чары?

— Еще бы. Вы были просто неотразимы, когда сказали, что учителя, который... ну, в общем, это самое... надо пожизненно дисквалифицировать, не задаваясь вопросом из фильма "А если это любовь?". Мы после этого еще больше в вас влюбились.

— Но я разве когда-нибудь на кого-нибудь из вас смотрел, ну, сама знаешь, как мужчины смотрят на женщин?!

— Так то в школе. А в других местах мы вас не так часто и видели. Да вы не расстраивайтесь — никто вас особенно не осуждал. Некоторые даже завидовали.

— Завидовали, значит... — сказал Марчевский с яростью. — Ну, а позвольте вас спросить, с чего вы вообще решили, что у меня с Машкой что-то было? Она, что ли, победой похвасталась?!

— Да что вы, Эдуард Венедиктович! Она вообще скрытная. Просто когда перед выпускными обнаружила, что... Вы извините, что я так, но вы же сами начали.

— Продолжай, — с трудом сказал Марчевский.

— Ну, то ли Машка созналась матери, то ли та у нее выпытала. И мать в таком трансе прибежала советоваться к матери Светки Мальцевой, что Светка уши наострила, а уж от Светки, сами знаете...

— Никакой Светки я вообще не знаю!

— Да рыжая, из десятого "А"... Она все и разболтала.

— А из зала кричат: "Давай подробности!", — сказал учитель с вымученным смешком.

— Если так, это вы могли бы рассказать нам подробности, Эдуард Венедиктович, — сказал Алексеев со странными нотками в голосе.

— Считайте, что у меня полное выпадение памяти или старческий склероз. Так что, продолжай, Галя, не стесняйся.

— Ну, когда Машка призналась вам, что беременна, вы ей вроде сказали: "Хочешь ребенка — рожай. Но я умываю руки".

— Бред... И что же было дальше?

— А дальше вы как раз и ушли из школы. Все, в общем, знали, что у Машки осталась ваша дочь, хотя сама она об этом не помню, чтобы распространялась.

— Так она еще и родила?! И вы поверили, что я отец ее дочери?! Что я мог сойтись с ученицей, наплевать на ребенка и удрать в другой город?!

— Дело житейское, Эдиктыч... — сказал Мешков. — Что ж тут невероятного?

— Да если бы это было, и все об этом знали, как бы это могло сойти мне с рук?!

— Эвээм, разве ж кто на вас стучал, когда вы опаздывали или стеб из политинформации устраивали? — спросил Фридман. — Когда вы Джиласа на задней парте забыли, где сидели во время контры, а Буренка его Борову отнесла, то Конь же взял это на себя. Все боялись, что вас выпрут, если не хуже.

— То есть, как это — взял на себя? — взвился Марчевский. — Кто тебя просил?! А я-то обыскался тогда, даже слег со страху...

— Конечно, вы меня не просили, Эдиктыч, — сказал Конев. — Но мне-то с этого дела ничего, считай, не было. Вызвали в гебе, я им набрехал с три короба: мол, Гродберг оставил, а Гродберг с предками в это время уже в Красном море купался. Вы, кстати, знаете, что ему недавно супер-престижную премию дали в Штатах? Словом, поклялся я гебешникам, что никому не давал и сам больше не буду, поплакал — и отпустили, даже сексотом не предложили стать. Я думал, до вас это дошло. Вы после этого и здоровались со мной со значением...

— Хорошего же ты мнения был обо мне все эти годы! — взорвался учитель. — Ты меня как минимум от обыска спас, а я принял это как должное и даже спасибо тебе не сказал?

— Да вы что, Эдиктыч, побойтесь бога! У вас же никакого выбора не оставалось. Ну, пошли бы вы вслед за мной в гебуху и сказали, что это ваш Джилас. Нам бы обоим только хуже было.

— Ладно, вы меня не продали. А Машкина мать почему молчала, думая, что ее дочь понесла от учителя?!

— Машка ей сказала, что повесится, если будет скандал. Да и что толку было шуметь? Кому бы от этого легче стало? Позору бы только набрались... К тому же Елена Пална и не такая была женщина, чтоб жаловаться... — сказал Алексеев.

— Была?

— Умерла года три назад.

— Боже мой... — простонал Марчевский. — Умерла в уверенности, что я — отец ее внучки...

— А кто же еще?

— Я вам отцом и матерью клянусь, что у меня с Машкой ничего не было. Ни-че-го!

Компания молчала.

— Да если б было, неужели я стал бы сейчас выяснять, что вам извест-

но? Да если бы я на эту подначку сказал "не жалко" или, наоборот, "жалко" — не было бы этого разговора, в котором я уже час доказываю, что я не верблюд!

— Может, вы все это тогда же просчитали и решили выиграть у нас партию, — сказал Мешков, с удовольствием выслушав учителя. — Вы же всегда были неплохим психологом...

— Значит, не верите?

— Эдиктыч, ну зачем вы спрашиваете? Что бы мы сейчас ни сказали, вы не успокоитесь... — сказала Ельникова.

— У меня с Годуновой ничего не было!

— Если не было, что вы так волнуетесь? — сказал Мешков. — Мало ли на кого напраслину возводят. Похоже, что у вас тут сингулярная точка. Может, зайдете ко мне на группу?

— На какую группу? — не сразу понял Марчевский. — На психоанализ, что ли? Интересно в душу к учителю забраться?

— Так ведь не потоптаться же. Осветить.

— Спасибо, доктор Фрейд.

— Не за что, доктор Брейер.

— Стоп! — сказал хозяин квартиры. — Финиш! Абзац! Капут! Предлагаю немедленно выпить и забыть.

— Что забыть?! — у Марчевского дрожали губы. — Забыть, что я мерзавец? Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Хорошо, Эдуард Венедиктович, у вас с ней ничего не было. Она все это придумала. Хотите — Мешок как специалист по всякой шизе объяснит вам, как девушка могла такое выдумать, — сказал Конев.

— Хочу.

— В принципе, можно себе и не такое нафантазировать. — нехотя сказал Мешков.

— Зачем? — настороженно спросил Алексеев.

— Чтобы выдать желаемое за действительное. Были психопатки, которые утверждали, что у них дети от Сталина, хотя никак не могли с ним встречаться.

— Тогда почему вы верите ей, а не мне?!

— А во что, по-вашему, легче поверить — в то, что у вас была связь, или в то, что она ее выдумала?

— Выдумала себе любовника и родила выдуманную дочь, похожую на него... — сказал Алексеев с ехидцей.

— Похожую на меня?! Да вы просто хотели увидеть это сходство!

— Ха-ха-ха...

— Алекся, не выкобенивайся. А то я вспомню, что ты сам неровно дышал к Машке... — вмешался Конев.

— Еще скажи, что ребенка ей сделал тоже я! Мне скрывать нечего! Я ее десять лет добивался, цветы носил, с Алькой сидел, с горя на другой женился, развелся, а она все его ждала, пока за Доминика этого не выскочила...

— Вот и поговорили, — Марчевский поднялся из-за стола и пошел к выходу.

— А все ты, Фрид, — сказал Конев, видя, что его бесполезно удерживать. — Кто тебя только за язык тянул?!

Пятерка потянулась в прихожую и неловко переминалась с ноги на ногу, пока учитель одевался.

— Простите, что мы вас расстроили, Эдуард Венедиктович, — сказала Ельникова, когда тот взялся за ручку двери.

— Оставьте. Дайте лучше координаты Годуновой.

— Да она никому их не давала. Где-то во Франции.

— Зачем они вам? — спросил Мешков. — В любом случае вы от нее ничего не узнаете.

— Дочку хочу повидать, — с вызовом сказал Марчевский, ступая за порог.

Возвращаясь домой, он вспоминал все, что было связано с Машкой. Детали всплывали постепенно. Темные глаза и смущенная улыбка, с которой она появлялась у него на пороге, чтобы привести или забрать болезненного братишку, наверстывавшего уроки. Она существовала для него только как ученица и старшая сестра ученика, с которым он занимался полгода или год. Она не сразу поворачивалась, чтобы уйти, а секунду смотрела, словно ожидая чего-то. Как-то на школьном вечере, когда объявили белый танец, вдруг остановилась перед ним. Девочки иногда звали его потанцевать, чтобы шегольнуть перед одноклассниками, и он снисходительно соглашался потрафить их тщеславию. Но здесь было что-то другое, и он поколебался, прежде чем вышел с ней в мгновенно образовавшийся круг и оказался в точке пересечения десятков глаз. А она не замечала его состояния и продолжала смотреть ему в глаза так же, как смотрела с лестницы, когда он закрывал за ней дверь.

И было еще письмо, которое он получил через год или два после того, как ушел из школы. Без подписи, с обратным адресом "До востребования". Подробностей он уже не помнил, только обрывки: "Завтра пять лет с тех

пор, как я люблю вас. Вы это знаете...", "Мне предлагают замужество, но одно ваше слово — и я все брошу, уеду с вами, куда вы скажете, или буду ждать вас, сколько хотите. Только скажите что-нибудь. Мне так плохо...".

Марчевский заподозрил было розыгрыш, но все же решил ответить. "Я не знаю, кто вы, но кто бы вы ни были — постарайтесь вылечиться от этой любви. Я не давал к ней повода и, право, не знаю, что с ней делать...".

Прошлой осенью он оказался в Милане по делам компьютерной фирмы, в которой работал, и на выходные поехал в Турин, где уже лет пять жила с мужем подруга его жены и его мимолетная любовница, позвавшая его, когда он ей позвонил, в гости.

Был конец ноября, холодный ветер крутил по тротуарам сухие листья каштанов, чей хруст под ногами сопровождал хрусту чипсов, которые он грыз на ходу. Путь до Турина Марчевский подремал в кресле электрички, сквозь полусон слыша беседу сидевших напротив сербов, говоривших, насколько он мог понять их язык, о контрабанде.

— Where are you from?¹ — вдруг спросил один из них.

— From Russia.

— Did you understand what we talked about?

— Don't worry, — сказал Марчевский и добавил по-русски: — Я не стукач.

Серб выжидательно смотрел на него.

— Не сту-кач, понял? — Марчевский постучал костяшками пальцев по стеклу, отрицательно покачал пальцем и улыбнулся.

— Поньял. Все славяне братья навек? — сказал серб, подмигивая ему.

— А то... — ответил Марчевский, вновь закрывая глаза.

Ему нужно было на Corso Regina Margarita. Сверяясь со взятой на вокзале туристской картой, он пошел пешком, дивясь тому, что туринские улицы, скрещиваясь, непременно производят на свет какой-нибудь памятник.

— В Милане все видел? — спросила Анька, когда они выпили за встречу. — Duomo, Ultima Sera, La Scala?²

— Все они гораздо больше, чем их репродукции, но узнаваемы. А вот вокзал миланский просто невероятен. У меня даже мелькнула страшная мысль, что ради такой архитектуры итальянцам стоило потерпеть Муссолини.

— What did you say about Mussolini, Edward?³ — спросил ее муж, Луиджи.

Марчевский не без труда перевел свою фразу, на которую тот начал отвечать по-английски, но от нетерпения не закончил и перешел на итальянский.

— Переведи, я не понял.

— Спрашивает, стоило бы вам потерпеть Сталина ради здания Московского университета?

— Сравнил хрен с пальцем...

Луиджи удивленно покосился на него.

— Duche was an angel in comparison with Stalin⁴... — But Russians are more patient than Italians, — парировал Луиджи.

— Что Татьяна? — спросила Анька, когда мужчины отсмеялись.

— Татьяна ничего.

— А ты чего?

— То есть?

— Да у тебя на лице написано.

— Какие все пронизательные стали, ты посмотри...

— Ну, что там у вас? — спросила она и добавила, обращаясь к мужу: — Questo nostro russi affari, carissimo⁵.

Луиджи оторвал голову от пасты, которую с наслаждением поглощал, и улыбнулся.

— Да говори, он по-русски пять слов понимает.

— Что говорить? На грани.

— Да что ты? Говорила же я вам — сделайте ребенка... Может, у тебя опять кто-то завелся, или Танька завела?

Она подмигнула Марчевскому, давая понять, что все помнит.

— Да не в этом дело.

— Вы что, ребята, белены в России объелись? Кого ни спрошу — все в разводе. С советских республик пример берете?

— Вам, итальянцам, не понять русской души.

— Ну и ну... А какая любовь была!

— Love is long, but life is longer⁶...

— Слушай, а ты у нас до понедельника не хочешь остаться? Знаешь, кто у меня в воскресенье вечером в гостях будет? Твоя ученица.

— Да ты что?

— Помнишь такую Машу Годунову?

Марчевский поперхнулся.

— По спине постучать?

— Да нет, ерунда.

Он поднял глаза на Аньку, стараясь не выдать себя, но та говорила безо всякой задней мысли.

— Не знал, что она здесь. За кем она?

— За менеджером с "Фиата". У него были какие-то автомобильные дела в России, там они и познакомились, потом во Франции жили. Дочка у нее прелестная, Галуша моя ее обожает.

— Дочка от него?

— Нет. Не знаю, от кого. Так останешься? Вот сюрприз для нее будет! — сказала Анька и пояснила мужу: — Io invitato lui rimanere fino lunedì⁷.

— Certamente⁸, — сказал Луиджи, допивая вино. — Masha is very interesting woman, Edward. If I was her teacher like you⁹...

— Vecchio Don Juan¹⁰, — со смехом сказала Анька. — А у тебя с ней не было романа?

— Да ты что, в самом деле? It would be a harassment, Luigi¹¹.

— Ou! Americans are crazy on their feminism. But we are Europeans, isn't it?¹²

— Sì, pero...¹³

— Nessuno "pero". European women don't like the absence of harassment¹⁴.

— Не слушай его. Ему бы только что-нибудь против американцев сказать. У них все помешаны на борьбе с американской культурной... как это? инфлюэнцей.

С утра они поехали в Альпы. Луиджи одной рукой гнал машину по серпантину с такой скоростью, что у Марчевского душа уходила в пятки. Километров через пятьдесят дорога обледенела, и они двинулись в гору пешком. По ней было разбросано несколько средневековых домов. Возле одного из них согнутый в дугу дед в отрепьях и деревянных башмаках взвалил на спину живую овцу, опустив плечи почти до самой земли, и стал подниматься вверх так медленно, будто шел по склону своих лет.

С вершины открывался вид на Пьемонтскую долину. В дымке виднелась древняя дорога, по которой пытался уйти из Рима Ганнибал, потом вел войска в Галлию Цезарь, а еще через две тысячи лет шли Наполеон и Суворов. Анька расстелила скатерть, и они пообедали, запивая сыр и мясо холодным красным пьемонте. Галуша ложилась на снег и с диким визгом катилась вниз, как бревно. Воздух ломил пальцы.

Немного подремав под выглянувшим солнцем, они стали спускаться. Возле дома, где они два часа назад видели согнутого крестьянина, уже стоял, опираясь на полку, другой, более крепкий, с обветренным красным лицом.

— Buongiorno, — сказал Марчевский, проходя мимо.

— Buongiorno, — охотно откликнулся тот, и вдруг спросил: — Russo?

Марчевский удивленно остановился. Старик что-то сказал на местном наречии, в котором можно было уловить только "partisano". Подошли Луиджи с Анькой.

— Причем тут партизаны?

— Он здесь партизанил с каким-то русским, — сказала Анька, вслушавшись.

— А русский откуда?

— Бежал из плена, наверно.

— И что?

Старик улынулся, махнул рукой на восток, и продолжал говорить.

— Говорит, что после войны вернулся на родину. И что у него тут женщина осталась.

Старик еще раз махнул рукой.

— Ее дом был на той стороне горы, — переводила Анька. — Лет пять назад этот русский капитан приезжал сюда. На автобусе с экскурсией. Старый стал, совсем как я. Постучался ко мне. Все пошли дальше, а мы присели выпить и покурить. Потом русский спрашивает: "А где Аннунциата?" — "А где ей быть? Сидит у себя дома и все еще ждет тебя". Посидел еще немного, потом встал и пошел на ту сторону. Вернулся какой-то странный, ни слова не сказал, только махнул мне рукой и уехал.

Старик умолк, и на лице его снова проступила улыбка.

Против ожиданий, Годунова приехала без дочки. Пройдя в столовую и натолкнувшись на уставленный в нее взор Марчевского, она вздрогнула.

— Ну, знаешь, Анята! Могла бы и предупредить. А то ведь до обморока недалеко...

— Что, я такой страшный?

— Похожи на каменного гостя.

Вполне справившись с собой, она посмотрела ему в глаза, усилив его нервозность. За полтора десятка лет из застенчивой худенькой девочки Годунова превратилась в женщину, весь облик которой свидетельствовал о том, что он назвал про себя "буржуазностью". В Аньке этого не было совсем, как не было и в Луиджи, который в свои тридцать семь хоть и был профессором в туринском Политехникуме, а одевался, как аспирант или мэнээс российского вуза.

— Ты на нас не гляди, — сказала Анька, уловив его сравнивающий

взгляд. — Мы не типичные итальянцы. А Мария у нас настоящая дама. Синьора Бассано. Ты что же Альку не взяла, синьора? Галуша будет в расстройстве.

— Температурит с утра... — сказала Годунова.

— А где твой брат? — спросил Марчевский.

— В Массачусетсе. Будете в Штатах, позвоните ему, он обрадуется.

"Человеку, который обрюхатил его сестру?" — мелькнуло у Марчевского.

— С чего бы ему радоваться? — спросил он, глядя ей в глаза. Анька удивленно покосилась на него.

— Говорит, что вы его хорошо запрограммировали.

Они поужинали, вспоминая знакомых, которых за пять-семь лет забросало по свету от Новой Зеландии до Канады.

— А вы что же сидите? — спросила Мария.

— Я езжу.

— Хотите, я скажу Марику Гродбергу, чтобы он рекомендовал вас как своего учителя? Он теперь такой знаменитый...

— Спасибо. Ты думаешь, что мне это нужно?

— Просто спросила. Ну, я поеду.

— Ты чего так быстро? — удивилась хозяйка.

— Беспокоюсь, как там Алька. Извините меня, ладно?

— Встречался недавно с твоим классом, — начал Марчевский, вызвавшись проводить ее до машины. Он старался быть спокойным, хотя в нем все тряслось.

— Жаль, что меня не было с вами...

— Мне тоже жаль, потому что они меня чуть не убедили, что твоя дочка — от меня.

— Зачем это им понадобилось вас разыгрывать? — спросила Годунова с почти натуральным удивлением.

— Какой, к черту, розыгрыш? Они не могли этого придумать!

— А я, по-вашему, могла?!

— Послушай, Мария. Мы с тобой случайно встретились и видимся последний раз в жизни. Зачем ты сказала матери, что отец твоего ребенка — я?

Годунова остановилась и подняла к нему лицо. Глаз ее не было видно, только в зрачках блеснул крохотный месяц. Пауза затягивалась. По стуку своего сердца Марчевский понял, что боится ответа.

— А что я должна была ей сказать?

— Правду!

— Я и сказала правду.

Марчевский не поверил своим ушам.

— Ты что, рехнулась?! Когда это я с тобой переспал?

— В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое апреля 1982 года, Эдуард Венедиктович.

— И где же это было? — спросил Марчевский, ошарашенный точностью даты.

— В третьем общежитии, комната двести десять.

— Чушь!

— Но вы же ходили в универ на танцы.

— Ну и что?

— И плясали с Инкой Беляевой.

— Не только с Инкой Беляевой.

— А в ту ночь пошли к Инке, потому что она осталась одна в "двушке".

— Я не знал, что Инка трепло.

— Инка никому об этом не рассказывала. Просто остаток ночи с вами провела не она, а я.

— То есть как это?!

— Очень просто. Перед тем, как лечь, она выскочила якобы в душ, а вместо нее пришла я. И ушла, когда вы заснули. А Инка, вернувшись, легла на вторую кровать, и утром вас к себе не подпустила.

— Не нужно пересказывать мне "Декамерон", — с бешенством сказал Марчевский.

— Вы проницательны, Эдуард Венедиктович. Мысль о том, как с вами оказаться, я вычитала именно из "Декамерона".

— А любовь — из Стефана Цвейга?!

— Может быть. Вы имеете в виду "Письмо незнакомки"? С девочками такое случается. Только книгу, в отличие от любви, можно закрыть одним движением...

— Я не мог принять тебя за Инку!

— На ощупь вы ее не знали, габариты у нас были одни, и духи тоже. Чтоб было абсолютно темно, мы позаботились. К тому же, вы столько выпили...

— А если бы я все-таки обнаружил подмену?! — спросил Марчевский, подаваясь ее логике.

— Может, лучше бы было. Может, отравилась бы, если б вы меня выгнали...

- А разговор между тобой и мной о будущем ребенке — тоже был?!
- Не надейтесь, что я скажу "да". Разговор я выдумала. Надо же было что-то наплести матери.
- Зачем ты ей вообще сказала, что ребенок от меня?
- Не знаю.
- Как, не знаешь?
- Не знаю. Сказала, и все.
- И письмо было от тебя?
- Спасибо за ответ.
- Издеваешься?
- Нет. Он лишил меня надежды и вывел... по ту сторону отчаяния. Только тогда я почувствовала, что свободна.
- Это уже не Цвейг. Это Жан-Поль Сартр.
- А стихотворение было чье? — спросила Мария.
- Какое стихотворение?
- В вашем письме. Забыли? А я помню:
- "Любовь — амор по-латыни.
От нее бывает мор,
воре слез, тоски пустыня,
Мука, морок и позор..."
- Не знаю, чье. Наверно, вычитал в какой-то книге и послал вам.
- Что ж, рада была вас повидать, Эдуард Венедиктович. Мне пора.
- А твоя... моя... дочь? — спросил Марчевский, запинаясь от неожиданности.
- Она не твоя, она моя, — отдельно сказала Мария, усаживаясь за руль "фиата" и включая зажигание.
- Твоя?! — заорал Марчевский, распахивая дверь. — А ну-ка, выйди из машины!
- И не подумаяю.
- Выйди сейчас же!
- Вы не в России, господин учитель.
- Так я не в России? Ладно. Тогда ты завтра получишь судебный иск о признании меня отцом твоей дочери, а послезавтра — генетическую экспертизу.
- Ты этого не сделаешь!
- Не смей мне тыкать. Еще как сделаю! Ты меня выставила подлоцом, а я, по-твоему, умоюсь и стерплю?
- Вы этого не сделаете... — повторила Годунова с непонятым выражением. — Ладно. Садитесь в машину.

Недоумевая, он обогнул капот и сел рядом с ней. Автомобиль взревел и рванул с места, яростно набирая скорость.

— Куда ты меня везешь?

— Куда надо, — ответила Годунова, с визгом поворачивая на перпендикулярную улицу и бросая машину в узкий проезд между присосавшихся к ее бокам автомобилей.

Проехав метров пятьсот, она вывернула на полупустую улочку, ударила по тормозам, и "фиат", юзнув по листьям, задними колесами стукнулся о тротуар, замерев возле витрины, сквозь которую виднелось что-то вроде паба.

— Выходите.

— Сначала ты.

— Выходите, никуда я не удеру. Черт же вас принес на мою голову!

— Только не вали с больной на здоровую, — сказал Марчевский, хлопывая дверь.

В пабе за стойкой сидел человек в белой шляпе, из-под которой выбивались длинные седые кудри, с красным шарфом и в черном кожаном плаще. Возле него стояла трость с серебряной львиной головой. В полутьме за угловым столиком виднелась молодая пара.

— Buona sera. Quattro grappa¹⁵, — сказала Мария бармену, жестом предлагая Марчевскому сесть.

— Buona sera. Uno momento, signora¹⁶.

— Зачем ты меня сюда привезла?

— Сидите.

Подошедший бармен поставил на столик четыре рюмки с виноградной водкой.

— Ты же за рулем! — сказал Марчевский, двигая рюмки к себе.

— Вернетесь пешком, — сказала Мария, выхватывая у него одну и отплевывая ее содержимое в рот. — А обо мне вам чего волноваться? Если что случится, увезешь Алечку с собой... папаша новоявленный.

— Прекрати паясничать, Годунова.

— Или выйди из класса, да?

— Говори, ради чего приехали.

— А вы уверены, что не пожалеете, если я скажу?

— Это ты пожалеешь, если не скажешь.

— Значит, вы уверены, что хотите знать правду?

— Не толки воду в ступе.

— Хотите, чтобы я выплеснула ее на вас? — спросила Годунова. В ее интонациях уже сказывалась граппа.

— Вместе с ребенком.

— Дорогой учитель, я вас любила.

— Это я уже слышал.

— А вы меня нет.

— Увы.

— А вы знаете, что это такое — первая неразделенная любовь, да еще у девчонки, которая выросла без отца? Вы, сильный и равнодушный мужчина?

— Мне тоже было семнадцать лет.

— Вам всегда было столько, сколько сейчас. Разве у вас когда-нибудь болело сердце?

— Нет.

— Это потому, что нечему болеть. А люди без сердца всегда одни и те же.

— К чему это длинное предисловие? Тянешь время, чтобы придумать новую версию?

— Нет. К тому, чтобы вы поняли, на что можно пойти от безнадежной любви.

— На что можно пойти от неразделенной любви?

— На все.

— Тогда нужно было пойти ко мне, крикнуть "Жить без вас не могу!" и пырнуть ножом в то место, где у меня нет сердца.

— Очень смешно. Я бы засмеялась, если б могла.

— Что же тебе мешает?

— То, что однажды я действительно пришла к вам. Открыл ваш отец. Вас не было дома. И вашей матери тоже не было дома. Мне продолжать?

— Ты лжешь! Ты солгала пятнадцать лет назад, солгала полчаса назад и снова лжешь, только я не понимаю, зачем?!

— А вы спросите Венедикта Александровича. Может, он скажет вам правду?

— Ты знаешь, что я не могу его спросить!

— Почему же? Ах да, не хотите разрушать светлый образ папы...

— Отец умер год назад.

— Мamma mia!

— Ты хорошая актриса. Только вскрикивать нужно было по-русски.

— Я, правда, не знала...

— Теперь знаешь.

— К сожалению, это ничего не меняет.

— Ты будешь лгать на мертвого?

— На этот раз мне очень просто доказать вам, что я говорю правду.

— Попробуй...

— Стоит лишь назвать некую интимную физическую особенность вашего отца, о которой вы не могли не...

— Ведьма!!!

Бармен повернул голову и выжидающе посмотрел на них.

— Tutto bello. Non farsi caso¹⁷. Не обманывайте себя. Зачем мне было это выведывать? Не в предвидении же нашего разговора.

— Отец не мог...

— Уверяю вас, мог. И, как я сейчас могу оценить, совсем неплохо. Извините, это уже лишнее.

Марчевский дрожащими руками одну за другой осушал рюмки с граппой.

— Видите, и водка пригодилась. Так что, вы еще хотите настаивать на экспертизе?

— Уйди отсюда...

— Сейчас. Я только хочу, чтобы вы поняли, что я спала не с ним, а с вами... в том смысле, что он для меня были вы.

— Я прошу тебя, уйди...

— Ухожу.

Граппа ударила ему в голову и притупила чувства. Он смотрел, как она встает, подходит к стойке, протягивает бармену десятитысячную бумажку, выходит и садится в машину, провожаемая откровенным взглядом посетителя в белой шляпе. Еще через мгновение зажглись фары, "фиат" тронулся и пропал из поля зрения.

— Tutto bello? — спросил бармен.

Москва

¹— Вы откуда?

— Из России.

— Поняли, о чем мы говорили?

— Не беспокойтесь.

²Миланский собор, Тайную вечерю, Ла Скала?

³Что вы сказали про Муссолини, Эдвард?

⁴— Дуче был ангел в сравнении со Сталиным!

— Но русские терпеливее итальянцев.

⁵Это наши русские дела, дорогой.

⁶Любовь длинна, но жизнь еще длинней.

⁷Я приглашаю его остаться до понедельника.

⁸Конечно.

⁹Маша очень интересная женщина. Если бы я был ее учителем, как ты.

¹⁰Старый донжуан.

¹¹Это же сексуальное приставание, Луиджи.

¹²Американцы помешались на своем феминизме. Но мы же европейцы?

¹³Да, но...

¹⁴Никаких "но". Европейским женщинам не нравится, когда к ним не пристают.

¹⁵Добрый вечер. Четыре граппы.

¹⁶Сию минуту, синьора.

¹⁷Все хорошо. Не обращайтесь внимания.